

9. *Матвеев С.И.* В волостных старшинах // Русское богатство. 1912. № 2. С. 74-101.
10. *Матвеев С.И.* Из жизни современного крестьянского «мира». (В волостных старшинах) // Там же. № 9. С. 116-142.
11. Крестьянское движение в Рязанской губернии в годы первой русской революции. (Документы и материалы). Рязань, 1960.
12. *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002.
13. *Астырев Н.М.* В волостных писарях: Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896.
14. *Новиков А.* Записки земского начальника. Спб., 1899.
15. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1989. Т. 7. С. 49.
16. *Дедюлин С.А.* Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. К вопросу о пересмотре законоположений о крестьянах. Спб., 1902. С. 105.
17. *Леонтьев А.А.* Крестьянское право. Лекции, читанные проф. А.А. Леонтьевым студентам экономического отделения в 1907–1908 акад. году. Б. м., б. г. С. 248.

Поступила в редакцию 10.02.2010 г.

UDC 947.081.11

A RURAL ELDER: AUTHORITIES AND ACTIVITY IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE TAMBOV AND RYAZAN PROVINCES)

Galina Vladimirovna Burlova, Lipetsk State Pedagogical University, Postgraduate Student of the Russian History Department, e-mail: gal-burlova@yandex.ru

The article, using a wide variety of local sources based on the materials of the Tambov and Ryazan provinces, reveals formation and practical activities of rural elders. The legislative base determined the power of a rural elder. Unlike the negative estimations of the activity of the given official prevailing in the domestic historiography, the author coherently proves the well-known independence of a rural elder and the role of this position in the act of the formation of country self-government in Russia, its legal grounds.

Key words: peasantry; self-government; rural elder.

УДК 947

ОДЕЖДА КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН И ДВОРОВЫХ ЛЮДЕЙ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

© Юлия Юрьевна Коньшина

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
аспирант кафедры российской истории, e-mail: yuka-1@mail.ru

В статье одежда крепостных крестьян и дворовых людей рассмотрена как личное имущество. По набору вещей у конкретного человека и формам костюма одинаковость, диктуемая общиной, преобладала над оригинальностью, которую в принципе уже могли себе позволить зажиточные крестьяне. Тамбовские крестьяне, оставшиеся в огромном большинстве земледельцами, относились к одежде не меркантильно, а по-деревенски прагматически.

Ключевые слова: рукоделие; домотканые изделия; фабричные ткани.

Как ни странно, одежда русских крестьян XIX в. в большей мере изучалась в этнографическом и искусствоведческом (история костюма) смыслах и почти не рассматривалась как личное имущество.

Из этнографической литературы известно, что комплекс одежды крестьянок южных (Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воро-

нежской, Орловской, Курской и др.) губерний в первой половине XIX в. был един по своим основным формам и состоял из рубахи, поневы, передника и головного убора – сороки. В гардеробе каждой тамбовской крестьянки эти предметы одежды присутствовали. Различались они качеством ткани, богатством вышивки и украшений, а также коли-

чеством предметов одежды, имевшихся у конкретной крестьянки, что, в свою очередь, зависело от материального положения семьи. Степень отделки вышивкой, ткачеством и другими материалами зависела от назначения понева и ее принадлежности, а также от материального уровня хозяйки. Одежду подпоясывали узким поясом или лентами. Лидия Рославцева в статье «Препоясай меня силою» писала о роли пояса в жизни русского человека [1]. Она говорила, что по поясу можно было определить возраст и социальное положение человека.

Выборочные данные Генерального межевания конца XVIII в. по трем уездам Тамбовской губернии свидетельствуют об определенном распространении среди местных крестьян домашнего ткачества [2]. Из 82 помещичьих сел рукоделием занимались женщины 24 сел, что составляет почти 30 %. Но, с другой стороны, неизбежно встает вопрос о том, где приобретали ткани на одежду крестьяне остальных сел. Конечно, источники могли в каких-то случаях не указать на занятия крестьянок того или иного села рукоделием как на вещь совершенно обыденную. Но в источниках есть и указания на то, что в отдельных селах изготавливали ткани на продажу. Покупателями таких тканей, логичнее всего предположить, были крестьяне «нерукодельных сел». Ведь не стали бы покупать грубые домотканые изделия помещики или представители городских сословий.

Нужно учитывать, что рукоделие – это не только изготовление тканей и сукон, но и одежды из них. Вполне резонно предположить, что не во всех крестьянских семьях в силу разных житейских причин имелись люди, умевшие шить даже простую одежду. Но ведь должны были быть в селах и мастера по изготовлению праздничной одежды. При такой логике получается, что одни крестьяне заказывали одежду другим. Но при этом неизвестно, как они рассчитывались с мастерами: деньгами, натурой, отработками.

Отражением ограниченных имущественных возможностей крестьян являлось то, что повседневная понева украшалась значительно скромнее, воскресная понаряднее, а праздничная была наиболее богато украшенной, ее готовили долго и хранили, как ценную вещь, всю жизнь. Крестьянка в своем наряде имела несколько понев, которые она

носила по строго определенным случаям. В дни больших праздников – яркую, с множеством полос узорочья, в будни – скромную, с несколькими полосочками [3], что тоже происходило от небогатого материального положения крестьянских семей.

К сожалению, мы располагаем очень немногочисленными свидетельствами о составе одежного имущества у конкретных людей. Одним из них является жалоба на своего помещика, В. Вельяминова, которую дочь крестьянина Липецкого уезда Казьмы Зайцова солдатка Анна написала в 1804 г., обвиняя помещика в побоях и «воровстве». В документе, в частности, заявительница описала состав своего личного имущества: «В доме отца моего собственное мое имущество, а именно: две юбки ситцевые, шесть платков шелковых, две душегрейки китайчатые, пятнадцать холстов алленых, кокошник бархатный. И оногo имущества состояло на 50 рублей» [4]. Среди имущества этой крестьянки имелись как домотканые предметы одежды, так и из фабричного полотна. Последние особенно ценились владельцами.

Мы не знаем, насколько типичным был гардероб А. Зайцовой. Можно только сказать, что фактически безмужние солдатки, в принципе, находились в худшем положении, чем женщины, жившие с мужьями. Ведь в отцовских семьях их считали «отрезанным ломтем», поэтому возможно предполагать, что набор одежды А. Зайцовой был не самым богатым.

Некоторые конкретные свидетельства о том, как конкретно выглядела одежда крестьян первой половины XIX в., можно найти в произведениях писателей, лично знавших быт крепостных крестьян Центрально-Черноземных и близких к ним губерний. Описание крестьянского костюма Тульской губернии мы находим в рассказе Л.Н. Толстого «Тихон и Маланья»: «Шли холостые пестрые бабы в красных платках, синих поддевах с золотым галуном на юбках... А Маланья шла точно так же, как и другие бабы... На ней была понева клетчатая, обшитая галуном, белая, шитая красным рубаха, такая же кацавейка, красный шелковый платок на голове и новые коты на шерстяных чулках» [5].

Ярко и дорого одевалась в деревне только молодежь. Обычно т. н. «хорошее платье» крестьянин справлял себе раз на всю жизнь.

В молодости его надевали чаще, а с возрастом только в самые большие праздники. В обычные воскресные дни и небольшие праздники люди степенные были одеты просто и неярко. У Л.Н. Толстого в рассказе «Утро помещика» есть описание воскресной одежды трех братьев, сыновей богатого крестьянина, державшего ямские тройки. Младший брат без бороды, ходил в нарядном ямском платье. У среднего борода клином, и хотя на нем также сапоги, ямское платье и поярковая шляпа, одежда его не имела такого праздничного вида, как у младшего брата. Старший, к которому уже перешло управление домом, несмотря на богатство, носил лапти, серый кафтан, рубаху без цветных ластовцев и окладистую бороду [6].

Даже детская одежда отражала материальный достаток семьи. Например, герой рассказа «Бежин луг» И.С. Тургенева определил по костюму, что один из мальчиков – Федя – принадлежал к богатой семье: «на нем была пестрая ситцевая рубаха с желтой каймой; небольшой новый армячок... сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги – не отцовские» [7]. Ситцевая, еще не выцветшая, рубаха, новый армяк, свои сапоги говорили о сравнительно высоком уровне крестьянского достатка.

Но это правило не везде срабатывало. М.Е. Салтыков-Щедрин описывает в «Пошехонской старине» крупное торговое село Заболотье. Несмотря на характер зажиточности, который селу сообщали местные богачи, большинство крестьян здесь были бедными, но «в праздник трудно было даже отличить богатого от бедного». Причина, по мнению писателя, крылась в том, что «даже самая, что называется, гольтепа вытягивалась в струнку, чтобы форснуть, и пуще глаза хранила синие кафтаны для мужчин и штофные телогреи для женщин» [8]. Но, возможно, была и другая, более объективная причина, заключавшаяся в том, что крестьяне Пошехонского уезда Ярославской губернии, находившегося на самом севере Центральной России, имели другие представления о богатстве, нежели центрально-черноземные крестьяне.

На географические различия в одежде крестьян обратил внимание И.С. Тургенев, который, в частности, проследил уровень крестьянского благополучия по обуви. Он подчеркивал бедность орловских мужиков,

когда говорил, что они носили лапти. Калужские мужики, напротив, по праздникам в сапогах ходили [7, с. 27]. Пушкин, описывая достаток жителей села Горюхино нечерноземной зоны, отмечал, что пастухи стерегли стадо в сапогах [9].

Вообще, в этом явлении можно увидеть некоторый парадокс. Крестьяне черноземной зоны, в принципе, всегда лучше были обеспечены продуктами питания, в сравнении с крестьянами соседних губерний Нечерноземного центра. Но, как видим, уступали в престижных элементах внешнего вида. Возможно, дело было не в материальном достатке, а в различиях социокультурного характера. Крестьяне Нечерноземного центра уже в первой половине XIX в. заметно втянулись в «индустриальное общество», имели многие иные представления о престиже внешнего вида, нежели крестьяне Центрального Черноземья, остававшиеся земледельцами.

Мысль о том, что новшества в одежде в первую очередь появляются в среде подмосковных крестьян, подтверждает и своего рода этнографическая работа бытописателя Рязанского края В.В. Селиванова «Год русского земледельца. Зарайский уезд». Он, в частности, отмечал, что «за Окой женщины носят сарафаны и шубейки, но многие не задумываются надеть городское платье, особенно если муж уже носит сюртук. Мужчины одеваются по-мещански, то есть носят хотя и русское платье, но с немецкой примесью, например, при кафтане и бороде картуз, при плисовых шароварах, заправленных в русские сапоги, пестрый жилет. Некоторые носят и домотканые сюртуки, но по большей части сибирки» [10]. Территории, описанные Селивановым, находились чуть севернее Тамбовской губернии, но могли иметь сходные черты с ее северными уездами, больше относившимися к нечерноземной зоне.

Уже в первой половине XIX в. в южной части Нечерноземья одежда из дешевых материй, преимущественно из ситца, постепенно вытесняла собой домотканую одежду. По этому поводу В.В. Селиванов писал: «Крестьяне помещичьих усадеб предпочитают галуны мануфактурные изделия: пунцовые и других ярких цветов набивные платки, ситец с разводами на рукавах и фартуки, черный плисс на шубы, хотя и овчинные, и прочую роскошь новейшего времени» [10, с. 137].

Следует отметить, что большинство крестьян Центральной России в этот период в основном еще одевались согласно старым традициям. Фабричные ткани еще не внесли существенных изменений в характер крестьянской одежды, т. к. платье у них почти всегда было сшито по принятым в данной деревне фасонам и не нарушало привычных форм. Можно предположить, что дело было не только в традиции, но и в недостатке у крестьян денег для покупки фабричной одежды.

Корреспондент журнала «Искра» пишет в 1864 г., что в степных губерниях – Воронежской, Курской, Тамбовской, Тульской – в праздник крестьянки все разряжены: «...с полотенцами на голове, с лентами в косе, в белых льняных рубашках, в нарядных поневах, все обутое в лапти, а то есть которые и в коты. И в это же время в пригородных деревнях или деревнях, расположенных вблизи постоянных ярмарок, не желая отставать от городских модниц, шьют для праздников широченные сарафаны и юбки, которые надевают сверх самодельных кринолинов, сплетенных из ивняка» [11].

За три года, прошедшие после крестьянской реформы, серьезных изменений еще не произошло, поэтому мы можем судить о том, что описанные явления имели место и накануне преобразований Александра II. Это подтверждает и высказывание французского путешественника Т. Готье, посетившего Россию в августе 1861 г. и совершившего плавание по Волге: «Результат нововведений (реформ Александра II) еще не виден. Внешний вид людей остался прежним, мужик носит розовую рубаху, одетую блузой, широкие штаны, заправленные в сапоги, засаленный тулуп» [12].

Из фабричных тканей крестьянам были доступны александрийка, ситец, плис и др. Александрийка (она же ксандрейка, касандровка) представляла собой хлопчатобумажную ткань ярко-красного цвета. В русской литературе она часто указывала на невысокую сословную принадлежность героя. Однако для подавляющего числа деревень подобная ткань была предметом роскоши, т. к. в крестьянском быту употребляли лишь ткани домашней выделки, а хлопчатобумажная ткань производилась на фабриках [13].

Платье дворового зависело от его места на той иерархической лестнице, которая су-

ществовала среди всей дворни конкретного помещика. Мужчины – дворовые, в отличие от крестьян, брились, короче стригли волосы и носили «дворовое платье», которое, хотя и было зачастую сшито из тех же домотканых материй, что и крестьянское, окрашено было в иные, «не крестьянские тона», например, во все оттенки зеленого, голубой и т. д. Дворовые носили жилеты или камзолы, долгополые сюртуки, шейные платки. Кроме того, помещик выделял деньги на покупку дворовыми холста для одежды, а также мог сам решать, что носить его дворовым. Сатирически это показал Н.В. Гоголь в «Мертвых душах»: «У Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги», которые они надевали при входе в господский дом [14].

Продолжил сатирическую традицию М.Е. Салтыков-Щедрин, который отмечал, что из всех дворовых самым тяжелым было положение «девок»: их плохо кормили, одевали в затрапез и мало давали спать, изнуряя почти непрерывной работой. И было их у всех помещиков множество» [8, с. 46].

Но в художественной литературе отмечены и факты зависимости одежды дворовых людей от положительной воли владельца. И.С. Тургенев в повести «Степной король Лир» описывал дворовых девушек, одетых в ситцевые, т. е. из покупной материи, платья [7, с. 532]. Тамбовский писатель С.Н. Терпигорев писал, что дворовые тамбовских помещиков одевались чисто, для кучеров и лакеев шили специальную одежду [15; 16].

Для глаз современника разница в костюме и облике дворового и крестьянина была велика. Это различие в одежде отмечал Л.Н. Толстой в рассказе «Тихон и Маланья», описывая живую картину праздничной толпы, идущей из церкви в Петров день: «Шли дворовые, мастеровые в свитках, лакеи в немецких платьях, дворовые бабы и девки в платьях с «подзатиками», как говорили мужики... Шли девочки табунками в желтых и красных сарафанах, ребята в подпоясанных армяках, согнутые старушки в белых чистых платках» [5, с. 424-425]. Выше мы приводили отрывок из этого произведения, где описывался внешний вид крестьянок. По сравнению с дворовыми они были одеты более традиционно. Последние одевались не столько

лучше, сколько моднее, что зависело опять-таки от воли помещика.

Сравнение одежды крепостных крестьян и помещичьих дворовых людей лишний раз подчеркивает принципиальные различия в имущественном положении этих двух категорий крестьянства. Дворовые даже в одежде в огромной мере зависели от владельца. Они могли быть одеты лучше и моднее крестьян, но эта одежда фактически не была их имуществом. Тогда как крестьяне одежду приобретали сами.

При недостатке конкретных свидетельств об одежде отдельных крестьян можно утверждать только о наиболее общих характеристиках одежды как имущества крестьян. Очевидно, что по набору вещей у конкретного человека и формам костюма одинаковость, диктуемая общиной, преобладала над оригинальностью, которую в принципе уже могли себе позволить зажиточные крестьяне. Именно они первыми стали приобретать фабричные вещи, на что требовались деньги. Предполагаем, что у преимущественно барщинных крестьян Тамбовской губернии, слабо втянутых в рыночные отношения, денег было немного. Потому их трата на фабричную одежду, вероятно, для большинства крепостных была излишней. Но мы не знаем, как обстояло дело с приобретением одежды домашнего производства. Наверняка это зависело от имущественного положения отдельных крестьянских семей.

В качестве итогового важно и другое наблюдение, позволившее выделить, скажем так, социально-географическую грань в одежде крестьян черноземных и нечерноземных губерний. Видимо, эта грань определялась не только имущественным положением крестьян двух крупных российских регионов, но и наметившимися уже в первой половине XIX в. социокультурными различиями между более

«городскими» крестьянами Нечерноземной полосы и более «деревенскими» крестьянами Центрально-Черноземных губерний. Вероятно, тамбовские, как и соседние крестьяне, оставшиеся в огромном большинстве земледельцами, относились к одежде не меркантильно, а по-деревенски прагматически.

1. *Рославцева Л.* Препоясай меня силою // *Родина*. 2004. № 4. С. 85.
2. РГАДА. Ф. 1355. Ед. хр. 97, 99, 121, 163, 158, 1590, 1630, 1631, 1632(1), 1632(2), 1642, 9140.
3. *Орлова В.Д.* Учебный материал по истории русской культуры и быта (IX – начало XX вв.). Тамбов, 1994.
4. ГАТО (Гос. арх. Тамбовской области). Ф. 2. Оп. 27. Ед. хр. 73.
5. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. М., 1979. Т. 3. С. 423-425.
6. Там же. М., 1960. Т. 2. С. 221.
7. *Тургенев И.С.* Записки охотника. Повести и рассказы. М., 1979. С. 97.
8. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Пошехонская старина. Л., 1975. С. 151.
9. *Пушкин А.С.* Проза. М., 1984. С. 127.
10. *Селиванов В.В.* Год русского земледельца. Зарайский уезд // *Письма из деревни. Очерки о крестьянстве России второй половины XIX в.* М., 1987. С. 120.
11. *Русский костюм 1850–1860 гг.* М., 1963. Вып. 3. С. 134.
12. *Готье Т.* Путешествие в Россию. М., 1990. С. 356.
13. *Кирсанова Р.М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. М., 1989. С. 20.
14. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Мертвые души. М., 1978. С. 118.
15. *Терпигорев С.Н.* Потревоженные тени. М., 1988. С. 209, 376.
16. *Терпигорев С.Н.* Избранное. Тамбов, 1958. С. 69.

Поступила в редакцию 11.03.2010 г.

UDC 947

CLOTHES OF SERFS AND DOMESTICS AS PERSONAL TAMBOV PROVINCE IN THE FIRST HALF XIX CENTURY

Yuliya Yuriyevna Konshina, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Postgraduate Student of the Russian History Department, e-mail: yuka-1@mail.ru

Clothes of serfs and domestics as personal property are considered in this article. Talking about the set of clothes of the certain person and forms of costume which similarity was dictated by community prevailed against originality which prosperous peasants could actually afford. Tambov as well as neighboring peasants who have remained in the huge majority of farmers, treated to clothes not in mercantile way but pragmatically as rurals.

Key words: needlework; homespun products; factory fabrics.